

Виктор Пронин

Личная жизнь

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Пронин

Личная жизнь

«ЭКСМО»

1994

Пронин В. А.

Личная жизнь / В. А. Пронин — «Эксмо», 1994

«С самого утра Алексей почувствовал беспокойство. Словно накануне знал о каком-то важном предстоящем деле и забыл. С этим настроением он завтракал, ехал в автобусе на работу, просидел весь день за своим столом. Работа не шла. Он вздрагивал каждый раз, когда звонил телефон, хлопала дверь или из коридора доносился громкий голос...»

Виктор Пронин

Личная жизнь

С самого утра Алексей почувствовал беспокойство. Словно накануне знал о каком-то важном предстоящем деле и забыл. С этим настроением он завтракал, ехал в автобусе на работу, просидел весь день за своим столом. Работа не шла. Он вздрагивал каждый раз, когда звонил телефон, хлопала дверь или из коридора доносился громкий голос.

День кончался. Это был едва ли не самый длинный день в его жизни. Он казался бесконечным и растягивался, растягивался, как нитка хорошего резинового клея. Обычный день, наполненный шелестом бумаг, пустыми разговорами о летних отпусках, о профсоюзных льготах, о французских сапогах, финских куртках, о том, как кто ехал в трамвае. День был озвучен ненужным и раздражающим смехом, каким смеются, когда совсем не смешно, значительными и оттого ничего не значащими словами. Они лопались, как мыльные пузыри, не выдерживая того смысла, которым их пытались нагрузить. И от всего этого оставалось неприятное ощущение глупости и пустоты.

Алексей молча копался в своем столе, рисовал рожицы или просто барабанил пальцами по столу, глядя в быстро темнеющее окно. С таким выражением сидят пассажиры, которые не одни сутки ждут самолета и не знают, когда он придет, да и придет ли вообще. Девушка, сидевшая за столом напротив, спросила, когда в комнате никого, кроме них, не было:

– У меня такое впечатление, что тебе сегодня предстоит важное свидание. Это верное впечатление?

– Может быть.

Ему не хотелось говорить. Такое чувство ожидания случалось у него и раньше, и самое неприятное было в том, что в конце концов так ничего и не происходило. Словно приближающаяся буря, которая вдруг повернула и пронеслась стороной, громыхая и посверкивая у самого горизонта безопасными молниями.

– Но ты не забыл, что свидание у тебя со мной?

– Нет, что ты! Света! Конечно, не забыл. Я все помню. Как можно? Это же ни в какие ворота...

Само количество заверений насторожило девушку.

– И время помнишь?

– Ну да! В семь. Я не забыл. Понимаешь, только схожу домой переоденусь.

– Если у тебя какое-нибудь дело, скажи. Можно отложить. Сходим завтра, – сделала она шаг назад, как бы беря разгон для прыжка.

– Да нет у меня никакого дела? Сам не пойму... Какое-то совершенно дурацкое состояние.

Алексей увидел, что Света не верит ему, и замолчал. Он всегда говорил ей правду, а она, внимательно его выслушав, начинала думать, что он этим хотел сказать. И, ни до чего не додумавшись, приходила к выводу, что он необыкновенный ловкач и шалопут.

В их отношениях установилось какое-то зыбкое равновесие. Света не решалась сделать шаг вперед, чтобы не нарушить этого равновесия и не быть отброшенной назад. Кроме того, ее останавливали соображения о гордости, достоинстве, она боялась выглядеть навязчивой. А он не торопился приобрести ее, чтобы не лишиться, как ему казалось, чего-то более важного, ведь каждое приобретение чего-то лишает, сковывает, ограничивает. Ему нравилось ее умение взглянуть неторопливо, практично на самые, казалось бы, щекотливые понятия, она умела говорить о них легко и просто. Света полагала, что каждый мужчина, стоит ему только остаться наедине с женщиной, станет тут же ухаживать за ней и даже обязан это делать, если он, конечно, хорошо воспитан. Поэтому все его слова, а если он молчал, то и молчание, прини-

мала за намеки. Она вообще мало понимала Алексея, но признавала за ним право поступать, как он хотел. Чутье подсказывало ей, что так будет лучше.

Как бы там ни было, но в отделе начали поговаривать об их свадьбе под Новый год. Он не опровергал этих слухов, а она невольно питали их, для нее это было слишком большим событием, чтобы просто отмалчиваться.

Несколько лет спокойной, неторопливой и почти ненужной работы в отделе притупили его чувства, сгладили выступающие черты характера. Постепенно он перестал ощущать в себе способность к решительным, неожиданным или хотя бы самостоятельным действиям. Ежедневный и размеренный круг обязанностей подавил стремление к необычному, новому. Единственное, что осталось в нем, это какая-то воинствующая непрактичность. И Алексей держался за последнюю опору, которая не даст ему свалиться в старость. Он чувствовал эту старость, она ходила под окнами. Неожиданно повернув голову, он иногда встречался с ней взглядом. Старость смотрела на него улыбочиво и терпеливо. И тогда он делал вид, что ничего не заметил. Да, однообразные постылые обязанности приближали старость, теперь он это знал. Она могла прийти гораздо раньше положенного ей срока.

А день все кончался.

Алексей встал, подошел к окну. Долго смотрел на заснеженную улицу, день быстро погрузился в сумерки. По ржавому карнизу окна проносились снежинки. Они летели быстро, как на санках, и срывались на тротуар. На громадных деревьях черными гроздьями висели воробьи. Весь день от них стоял сплошной визг. Но к вечеру ударил мороз, воробьи смолкли и сидели молчаливые, нахохлившиеся. Словно разобиженные.

Зазвонил телефон.

– Кого?! – обернулся он.

– Тебя. Приятный женский голос, – Света положила трубку на стол рядом с телефоном.

Алексей подошел, не решаясь взять трубку, смотрел беспомощно, словно не зная, как с ней быть, для чего предназначен этот черный пластмассовый крендель на витом проводе.

– Да, – наконец сказал он.

– Это ты? Узнаешь?

– Да.

– Решила вот позвонить... Как, думаю, живет товарищ служащий...

– Хорошо живет.

– Еще не женился? Я так давно не видела тебя! Ты, наверно, все такой же?

– Почти.

– В таком случае тебе можно назначить свидание?

– Да.

– Хорошо. Давай там же. В пять.

– В пять? – неосторожно спросил он и покосился на неестественно застывшую Свету. Девушка смотрела, как он шел к своему столу, как садился, как деловито и беспорядочно перебирал бумаги, пытаясь сосредоточиться. Потом встала, взяла какую-то папку и вышла, спокойно вышла, только на пороге дверь, словно почував что-то, рванулась из ее рук и хлопнула, как при внезапном порыве ветра.

– Что с ней? – спросила, входя, пожилая сотрудница. – Вы поссорились?

В отделе знали об их отношениях больше, чем они сами. Над их отношениями шефствовали, о них заботились, их пытались поддержать, направить в нужную сторону, ускорить, чтобы побыстрее довести до семейной завершенности.

– Странно, – пробормотала женщина и вышла поделиться соображениями. Соседние отделы тоже были извещены, их свадьбы ждали как большого общего торжества, которое бы разрушило унылую повседневность.

Вошла Света и молча села на свое место. Подчеркнуто независимо, озабоченно.

– Тут пронесся слух, что мы поссорились, – сказал он.

Она не ответила.

– Не хочешь ли ты сказать, что они правы?

– Отстань.

– Вот как... Ну, хорошо. Уже пять часов. Рабочее время кончилось. А свободное нужно использовать интереснее. Сегодня день всего... всего, – он перелистнул календарь, – около семи часов. Самый короткий день в году. Как раз семь часов – рабочее время. А все свободное время приходится на ночь.

Он уже ничего не ждал, неизвестность кончилась. Телефонный звонок снял всю его тревогу. Именно это должно было случиться или что-то совсем другое, но звонок успокоил его.

– Тебя ждут, – сказала девушка. – Ты не забыл? Холодно ведь. Замерзнет, – она нервно усмехнулась.

Алексей молча оделся, не видя ее наполненных слезами глаз, не слыша ее напряженного голоса. Вернее, стараясь ничего не видеть и не слышать. Это было нетрудно, потому что его давно уже здесь не было.

Едва он вышел на улицу, ветер с силой толкнул его в спину, наполнил холодом и снежинками мохнатую шапку. Он все больше волновался. «Отчего бы?.. – подумал. – Ведь все ясно, все понятно. Будет то, что происходит каждые полгода». Он снова выходил на хорошо знакомый круг.

Остановился. Несколько раз глубоко вздохнул и увидел. Женщина стояла к нему спиной, но он узнал ее по стройным, сильным, несколько тяжеловатым ногам. Узнал и совсем разволновался.

Прогрохотал освещенный трамвай с замерзшими стеклами. Прошуршал троллейбус, роняя сверкающие капли электричества. Еще один трамвай.

Наконец он подошел.

– Привет.

– А-а, здравствуй! Раньше ты не опаздывал.

Улыбка. Метнувшиеся брови. Рыжая лисья шапка, казалось, тоже принимала участие в выражении ее лица. Шалом, уверенном, взволнованном.

– Не спешишь? – спросила. И он понял, что она тоже волнуется.

– Нет. Еще нет. Мне к семи. А сейчас... Сейчас только четверть шестого.

– У нас с тобой никогда не было столько времени.

– Да, – улыбнулся он. – Мы даже успеем помириться. И снова поссориться успеем. Но я не хочу ни того ни другого. Понимаешь, Таня, неинтересно. Как в плохом фильме, когда заранее знаешь конец.

– А если... Если на этот раз конец будет другим? – спросила она, наклонив голову.

– Ха! Фильм может быть другим, а конец будет тот же. Штамп. Разве не так? Хороший вечер неожиданно оказался свободным. Случайно подвернулся номер телефона. Почему бы не пощекотать себе немного нервы, тем более что это ничем не грозит. Верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.